

С. В. Иванова

Санкт-Петербург, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕСУРСНАЯ БАЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТА ДЕМОНИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В данной статье освещаются особенности функционирования языковых средств реализации технологии демонизации противника, которая широко используется в ходе информационно-психологической войны. Актуализирующие данную технологию языковые средства в основном принадлежат поверхностному уровню формирования текстового сообщения. Объяснением этому служит сама природа данной технологии: отправитель сообщения хочет добиться стопроцентного попадания и достижения поставленной коммуникативной цели — полной деморализации оппонента за счет полной его дискредитации и низведения до уровня воплощенного зла. Соответственно, демонизируя оппонента, политики активно эксплуатируют общеоценочную лексику негативной направленности. Вместе с тем в ходу оказываются и более тонкие средства дискредитации. Глубинный уровень предполагает использование языковых средств различной уровневой отнесенности, а также их конвергенцию. Среди средств, направленных на демонизацию противника, — прямые и косвенные средства лексического уровня: негативные общеоценочные номинации, клички, использование лексики чуждой лингвокультуры. Наряду с этим используются и синтаксические образования: метафорические и компаративные конструкции. Текстовый уровень создания эффекта демонизации оппонента позволяет эксплуатировать возможности отрицательного контекста. Зачастую для полного достижения коммуникативной цели адресант использует единицы нескольких уровней, что многократно усиливает искомый эффект демонизации за счет стимуляции обсуждения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демонизация; политический дискурс СМИ; политическая коммуникация; информационная война; информационно-психологическая война; технология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, к. 207; e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Современная политика нераздельно связана с понятием информационной войны. Более того, она зачастую реализуется в форме информационной войны, которую следует понимать как «противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной информационной безопасности» [Сковородников, Копнина 2016: 42]. Информационные войны ведутся на разных фронтах, с разной степенью интенсивности, с разной масштабностью, с использованием самого разнообразного «негорячего» оружия, которое тем не менее, по известному выражению знаменитого литературного героя, «страшнее пистолета». В арсенале политиков, ведущих такого рода войны, в ходу как старые, испытанные средства, так и новые виды информационно-психологического оружия, которые позволяют вести противоборство, являющееся результатом конфликта интересов и осуществляемое «путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения» [Сковородников, Копнина 2016: 43]. Демонизация противника является одним из главных методов такой войны. Эффект демонизации заключается в намеренном создании негативного, а еще более желательного — отталкивающего образа оппонента, в резуль-

тате чего последний выступает во всех своих проявлениях как абсолютное зло. Естественно предположить, что этот прием наиболее востребован в рамках информационно-психологических войн, ибо он «заточен» на разрушение образа противника посредством придания ему черт, несовместимых с разделяемыми мировым сообществом ценностями. Попрание общечеловеческого представления о добре и зле — а именно таким предстает противоборствующий агент политики — выводит его за пределы человеческих норм, принятых цивилизованным сообществом, что в конечном итоге должно привести к полной психологической деморализации противника за счет создания вокруг него неизменно отрицательного поля смыслов и ассоциаций. Таким образом, демонизация представляется наивысшей формой дискредитации оппонента в ходе информационно-психологической войны и, несомненно, заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Понимание современной политической коммуникации как максимально технологизированного процесса [Иванова 2008, 2011; Иванова, Сподарец 2010] позволяет рассматривать демонизацию не только как коммуникативную стратегию или суперстратегию, но прежде всего как технологию, т. е. некое ноу-хау по достижению поставленной цели, базирующееся на совокупности последовательных методов, взаимодополняющих приемов и целенаправленных действий, предпринимаемых агентами политики.

Цель данного исследования состоит в выявлении языковых ресурсов, целенаправ-

ленно и последовательно используемых в политической коммуникации, которые, затрагивая поверхностный и глубинный уровни формирования текстового сообщения, способствуют созданию эффекта демонизации. В качестве материала исследования служат публикации последнего времени, увидевшие свет в средствах массовой информации США и Великобритании и относящиеся к сфере внешней и внутренней политики этих стран.

Нельзя не согласиться с Н. Б. Руженцевой, что авторы политических текстов не затрудняют себя доказательствами, а в основном прибегают «к убеждению или уверенности, воздействуя и на рациональную, и на эмоциональную сферу читателя» [Руженцева 2004: 12]. Технология, направленная на создание эффекта демонизации, отнюдь не является исключением в этом отношении и, соответственно, предполагает обращение как к языковым средствам аксиологической природы, так и к логическим построениям или их подобию.

Одним из самых простых способов реализации эффекта демонизации является использование номинаций, обозначающих общепринятого носителя зла, по отношению к политическому оппоненту. Номинативный способ принадлежит к поверхностному уровню формирования сообщения и осуществляется посредством нескольких приемов. Самый простой из них — использование общеоценочных языковых единиц по отношению к объекту демонизации. Так, при освещении Олимпиады-2016 в Рио-де-Жанейро зарубежные средства массовой информации не гнушались никакими дискредитирующими российских спортсменов именованиями, включая существительные общей отрицательной оценки. К примеру, *USA Today* назвала российскую пловчиху Юлию Ефимову злодейкой / негодяйкой (*villain*, согласно словарю *American Heritage*, означает *a wicked or evil person*, таким образом, денотативное значение этой лексической единицы содержит сему «зло»): *Russian swimmer Yulia Efimova, who became the villain of the Rio Olympics swimming competition, took a parting shot at fierce rival Lilly King on Saturday night, insisting the American 19-year-old was immature and had turned the event into “a war”.* / Российская пловчиха Юлия Ефимова, которая стала злодейкой / негодяйкой Олимпийских игр в Рио, напоследок сделала резкое заявление в адрес своей соперницы Лилли Кинг, подчеркнув, что девятнадцатилетняя американка еще многого в жизни не понимает и потому превратила соревнования в войну [Rogers].

Наряду с эксплуатацией прямых номинаций, содержащих отрицательную оценку в денотативном компоненте значения, у «рядовых» и «генералов» информационных войн популярностью пользуются коннотативы. Для обеспечения правильного понимания коннотативов их сопровождают эпитетами отрицательной оценки, чтобы читатель не ошибся при интерпретации сообщения. Так, ничтоже сумняшеся Дэвид Сеттер (*David Satter*) в своей статье *The Bloody Czar*, посвященной гипотезе о связи между террористическими актами в Москве (подрыв московских домов в 1999 г.) и президентством В. В. Путина, именует российского президента *кровавым царем*, таким образом уже в заголовке объявляя его воплощением зла [Satter 2016: 24]. *Czar* трактуется как (1) *an emperor or king*, (2) *the former emperor of Russia*, (3) *an autocratic ruler or leader* или (4) *any person exercising great authority or power* [Random House 2010]. В данном случае эпитет *bloody* является семантическим идентификатором, выступающим для читателя в виде семантического навигатора, направляющего к пониманию этой лексической единицы в ее третьем значении, актуализирующим семы «тиран» и «авторитарный правитель». Таким образом, читатель не может ошибиться в интерпретации языковой единицы: направление оценочного вектора задано однозначно и недвусмысленно.

Другим простым, но весьма эффективным приемом создания эффекта демонизации является использование кличек и прозвищ. Этот прием стар как мир, но частота и интенсивность его использования доказывает неизменность и эффективность его воздействующего потенциала. Так, в статье о Дональде Трампе и его избирательной кампании небольшой эпизод посвящен тому, как Трамп высказывается о своих оппонентах из демократической партии. Кандидат в президенты не мелочится, выбирая самые хлесткие прозвища (*узурпаторы, преступники, бессердечные подельники тех, кто убивает невинных американцев*) для своих политических противников: *...an insurrection designed to depict the Democrats not as political adversaries, but as usurpers, criminals, and callous accomplices to the murder of innocent Americans* [Guttenplan 2016: 8]. Сродни этому приему употребление номинации, цель которой состоит в том, чтобы просто обозвать противника. Весьма показательным примером в этом плане является статья *The Week* о новостях за неделю в журнале *National Review*. Первым из объяснений, почему многие республиканцы обозлились на то, как Тед Круз повел себя в рамках избирательной

кампании 2016 г., оказывается то, что он *придурок* (a jerk): *A lot of Republicans got very mad at Ted Cruz for pointedly declining to endorse Donald Trump at the Republican convention. There were three lines of criticism. 1) He was a "jerk", says Peggy Noonan, who argues that you don't go to a party and punch the host* [The Week 2016: 6]. / Многие республиканцы рассердились на Теда Круза за то, что тот намеренно отказался поддержать кандидатуру Дональда Трампа на конвенции республиканцев. Его критиковали по трем линиям. Прежде всего, он придурок, говорит Пегги Нунан, которая поясняет, что никто же не будет бить хозяина, придя на его вечеринку. Не менее красочным является и пример освещения съезда Республиканской партии в том же журнале. Пасаж начинается с весьма очевидного в своей оценочности высказывания: *The Cleveland Republican convention was a schizophrenic affair, well suited to a party in the act of transforming itself* [The Week 2016: 14]. / Съезд Республиканской партии в Кливленде проходил в шизофреническом духе, который вполне соответствует духу партии, находящейся в состоянии перестройки. Такого же рода прием используется и в статье о предвыборной кампании Дональда Трампа *Trump in the Dumps* в достаточно серьезном журнале *Economist*, где кандидата-республиканца просто именуют миллиардером-демагогом (*billionaire demagogue*) [Trump in... 2016: 19].

Данного рода приемы «наглядно, грубо, зримо» эксплицируют демоническую природу референта. Казалось бы, они настолько просты, что на их удочку не должен попадаться грамотный адресат. Однако предпринимаемая в ходе информационно-психологической войны стимуляция обсуждения, которая обеспечивает мощный сигнал на выходе социального усилителя [Почепцов 2000], вполне объясняет эффективность такого простого и лишнего всякой амбивалентности приема.

Вместе с тем поверхностный уровень проведения информационной войны далеко не всегда оказывается достаточным, более того, зачастую он все же представляется чрезмерно грубым для искушенного современника. Соответственно, требуются такие способы, которые работали бы более тонко и затрагивали бы более глубокие уровни формирования текстового сообщения. Необходимо заметить, что и на уровне номинации есть такого рода приемы — прежде всего к таковым относятся компаративные номинативные конструкции. Суть компаративной номинации состоит в приравнивании оппо-

нента к некоей силе, олицетворяющей злое начало. Компаративная конструкция при всей ее транспарентности все же не настолько нарочита, как другие перечисленные выше номинативные техники. Так, президент Обама, характеризуя действия своих политических оппонентов из Республиканской партии США, приравнивает их действия к действиям иранских радикалов, требующих смерти Америки: *Iranian hardliners chanting 'Death to America' have common cause with GOP* [Key]. / Иранские приверженцы жесткой линии, скандирующие «Смерть Америке», сродни Республиканской партии [Key]. Все же сравнение и сопоставление, которые задействованы в компаративных номинациях, относятся к логическим операциям и отстоят от сугубой оценочности.

Вместе с тем компаративные номинации часто сопровождаются противопоставлением, которое имеет целью оттенить негатив, таким образом усиливая отрицательную оценочность. Так, рассуждения о том, насколько плоха кандидатура Дональда Трампа, опосредуются противопоставлением кандидата Рональду Рейгану и увенчиваются упоминанием президента Путина, образ которого для американцев, как это явствует из материалов американских СМИ, должен символизировать силы зла: *Ronald Reagan is dead, even as a memory. The man who spoke of liberty, the rise of big government, the right to life, and the Evil Empire has been replaced by a man devoted to strength, statism, Planned Parenthood, and Putin* [The Week 2016: 14]. / Рональда Рейгана нет даже как памяти. Человека, который говорил о свободе, неповоротливости большого правительства, праве на жизнь, а также об империи зла, заменили личностью, идеализирующей силу, государственность, планирование семьи и Путина. В таком же ключе «сработан» и следующий фрагмент статьи о Трампе: *Trump's bombastic manner, the theatrical pauses in his delivery, his sideways poses and disapproving little pouts all owe more to Mussolini than to Hitler* [Guttenplan 2016: 8]. / Показная манера Трампа, театральные паузы при произнесении речей, его позы, когда он стоит подбоченившись, и надувание губ делают его больше схожим даже не с Гитлером, а с Муссолини.

Разновидностью номинативного способа является реляция к большим ценностям, которыми референт не обладает. Можно назвать данный прием «взывание к добродетели». Показательным в этом плане является часть статьи о миграционной политике Ангелы Меркель, в которой говорится о том, что бремя ежедневных забот, связанных с

необходимостью сосуществования с чужими культурами и решением бытовых проблем на фоне «понаехавших» беженцев, легло на рядовых граждан. Неудивительно, что они стали выражать свой протест, в отличие от тех, кто эти судьбоносные решения принимал, но кто не испытал, будучи «наверху», никаких неудобств жизни, доставшихся простому человеку: в результате люди из эшелонов власти остались гуманистами, сочувствующими и борцами за права человека. Тех же, кто выразил недовольство, называли расистами, ксенофобами и узколобыми: *When the working and middle class pushed back in shocked indignation, the people on top called them "xenophobic", "narrow-minded", "racist". The detached, who made the decisions and bore none of the costs, got to be called "humanist", "compassionate", and "hero of the human rights"* [Noonan 2016: A13]. / Когда представители рабочего и среднего класса отшатнулись в состоянии шока и возмущения, люди наверху называли их ксенофобами, узколобыми, расистами. Те же, кто далече, кто принимал решения и не испытал на себе их последствий, заслуживают быть названными гуманистами, сочувствующими людьми, защитниками прав человека. Данный прием не знает границ и не обусловлен партийной принадлежностью: им пользуются все. Апелляция к большим ценностям, которые противопоставляются их отсутствию, маркирует «чистых» и «нечистых» и не оставляет места для сомнений, что те, кто не разделяет общегуманитарных ценностей, подлежат беспощадному бичеванию и составляют стан ЧУЖИХ.

Одним из хорошо зарекомендовавших себя приемов, направленных на создание эффекта демонизации, служит толкование лексических единиц чужого языка, языка оппонента. И. В. Зыкова отмечает высокий потенциал культураносной лексики в плане выражения этической и эстетической информации за счет образования общекультурной модальности. В такого рода лексических единицах онтологически заложена обобщенная возможность выражения аксиологических отношений в виде 'одобрение — неодобрение' [Зыкова 2014: 328]. В качестве яркого примера подобного рода служит следующий фрагмент из *New York Post*: *Recent Russian efforts to magnify its Middle East influence have been accompanied by a seeming surge in Kremlin "reasonableness." In fact, Russian calls for new Syrian elections and sharing intelligence with Western powers are nothing more than exercises in "maskirovka," Russia's classic technique for disguising its real objectives* [Bolton 2015]. / Недавние попытки

России усилить свое влияние на Ближнем Востоке сопровождались кажущимся ростом благоразумия Кремля. На самом деле призывы России к проведению новых выборов в Сирии и обмену секретной информацией с западными державами являются не чем иным, как "маскировкой", классическим русским приемом для сокрытия истинных целей. Автор статьи в уважаемой американской газете использует транслитерированный вариант русского слова «маскировка», определяя тактику российского руководства по отношению к западным державам в том, что касается сирийского вопроса. По утверждению автора статьи, Кремль на самом деле маскирует свои намерения. Посыл автора таков: вот видите, у них в русском языке даже есть специальное слово для подобного рода действий. Как известно, наличие слова в словарном запасе языка свидетельствует о том, что данная практика осмыслена языковым сообществом, она концептуализирована и вошла в языковое сознание. Довольно точно это выразил Эдуард Сепир: если общество не имеет понятия о теософии, то и слово это ему не нужно [Sapir 1949: 219]. Но даже если бы намерения российской стороны были таковы, то для чего вводить русское слово, непонятное англоязычному читателю, если в английском языке есть эквивалентные лексические единицы? Сам автор использует в заголовке лексику *ruse*, однако в тексте статьи заменяет ее русскоязычной лексемой. Можно было бы использовать и другие англоязычные синонимы: *trick*, *disguise*. Но использование русского слова показывает, что такая тактика настолько характерна для россиян, что они ее зафиксировали в языковой картине мира, а вот в английском языке такого меткого слова все же нет. Не располагая такого рода идеями и словами, Запад, по словам автора, может легко пасть жертвой хитроумного Кремля: *Gullible Westerners, following a long-established pattern, are falling for the ruse.* / Легковерный Запад, следуя своей давней практике, попадает на эту удочку. Все предложения российского президента лишь маскируют истинные цели и намерения России: *Putin's offers of "cooperation" are aimed at weakening Western resistance to Russia's rising influence in the region and more broadly. Russia's increasing confidence is also reflected in its worldwide interest in critical undersea communications cables, implicitly threatening their destruction in time of war.* / Предложения Путина о сотрудничестве нацелены на ослабление сопротивления усилению влияния России в регионе и в мире в целом. Возрастающая уверенность

России также отражается в ее широко-масштабных интересах, заключающихся в прокладывании подводных коммуникационных путей, которые менее уязвимы в военное время.

Совершенно очевидно, что русскоязычное слово в его транслитерированной форме в данном случае служит одному — подчеркиванию отрицательной демонической природы России как агента политики: злодейство России закреплено в ее языковой картине мира.

Еще более наглядным примером подобного рода является фрагмент текста с использованием слова *рейдерство* / *raiding*. Как известно, в русском языке оно появилось как калька с английского. Тем не менее в англоязычной статье неожиданно встречается транслитерированное русское слово английского происхождения: *...there were good reasons to be nervous. Under Putin, a practice of reyderstvo ("raiding") became common, in which rivals would conspire to take over private companies using the instruments of the state. Police might be paid to investigate the main shareholder and threaten him with criminal persecution if he did not sell his shares cheaply. Or the raiders might bribe tax authorities to present exorbitant bills for back taxes, forcing the company into bankruptcy, from which it would emerge in the raider's hand* [Triesman 2011: 236]. / ...для нервозности были все основания. При Путине практика рейдерства стала повсеместной: для захвата частной компании соперники используют инструменты государства. Полиция может получить свою долю с той целью, чтобы она провела расследование по поводу основного акционера и угрожала бы ему уголовным преследованием при его несогласии продать акции задешево. Или рейдеры могут дать взятку властям, чтобы представить большие счета по налогам, таким образом ввергая компанию в банкротство, из которого она уже неизменно попадает в руки рейдеров. Этот пример очень доказательно свидетельствует о том, что лексические единицы чужой культуры являются мощным средством подтверждения «особого» менталитета политического противника, что находит фиксацию и в когнитивной базе его лингвокультуры. И разве задумается читатель о том, что слово «рейдерство» было заимствовано в русский язык из английского?

С такой же целью транслитерированное русское слово используется и в следующем примере: *Then there was Russia's humanitarian aid convoy of 260 trucks, which was widely decried in the west as a Trojan horse, "almost*

certainly" carrying arms and men deep into Ukraine. In fact, it proved to be less a Trojan than a Potemkin horse, half-empty inside and designed to impress — and perhaps to divert attention from the real military subterfuge going on elsewhere [Roxburgh 2014]. Описывая гуманитарный конвой, который Россия направила на Украину в самый разгар украинского кризиса, автор статьи называет его не столько троянским конем, сколько конем потемкинским, обыгрывая известное русское выражение «потемкинские деревни», которое используется как синоним «очковтирательства», служащего сокрытию неблагоприятных дел [Серов 2003]. Надо заметить, что подобного рода социальная практика существует во многих странах и имеет давнюю традицию, свидетельством чему является картина Питера Брейгеля «Вавилонская башня» (версия 1563 г.), на которой изображено, как инспектирующим показывают лучшую сторону разрушающейся постройки. Использование же кальки с русского языка подчеркивает, что подобного рода действия — прикрыть то, что не предназначено для просмотра, — исключительно российская практика. Таким образом, использование якобы безэквивалентной лексики в транслитерированном виде служит подчеркиванию таких качеств объекта описания, которые являются лингвокультурными уникалиями и не свойственны для других лингвокультур. Транслитерированная лексическая единица в данном случае указывает на то, что укоренившаяся в том или ином обществе социальная практика характеризует результаты когнитивного освоения мира, отличающие данное лингвокультурное сообщество от других.

Еще одним приемом из арсенала лингвокультурологических средств демонизации является использование культурно обусловленных знаков с отрицательной оценочностью, восходящих к прецедентным именам: так, в статье о Дональде Трампе и его избирательной кампании его последователи именуются *Trumpkins*, что сразу же навеивает воспоминания детства и напоминает имя *munchkins* из классической книги Фрэнка Л. Баума о приключениях Дороти и ее друзей и их встрече с Волшебником из страны Оз. Известно, что жевуны (*munchkins*) были забиты и послушны, и Злая Ведьма Запада держала их в полном подчинении, превратив в рабов. Не таков ли электорат Трампа: *But there is little evidence for these shy Trumpkins — or that Mr Trump believed his shtick* [Trump in... 2016: 19]?

Совершенно простым, но чрезвычайно удачным приемом демонизации с точки зре-

ния достижения коммуникативной цели является именование референта через его этнос. Это эффективный прием актуализации лингвокультурологической категории «СВОЙ — ЧУЖОЙ». Чужой помечается черной меткой, притом что эта метка, на первый взгляд, не выражает ничего плохого, а всего лишь служит именованию национальности того, кого говорящий выводит за рамки «своего» круга. Однако сила данного приема велика. Не зря статья о Трампе в журнале *The Nation* называется *Un-American Activities* [Guttenplan 2016: 4] / *Неамериканские действия*. Все, что делает этот кандидат, никак не может квалифицироваться как действия американца, и, соответственно, он не может быть признан СВОИМ. Собственно, точно такая же тактика отмечалась и у западных журналистов, писавших о российской пловчихе Юлии Ефимовой во время Олимпийских игр в Рио. Апогеем этого отношения является лозунг на заправке в г. Эвансвилле, родине соперницы Ефимовой Лилли Кинг: *beat that Russian doper's ass*. Для чего введено в данном призыве указание на этническую принадлежность? Дело в том, что это тонкий инструмент разведения СВОИХ и ЧУЖИХ, и его эффективность прямо пропорциональна характеризующей его простоте.

Другим приемом, способствующим реализации эффекта демонизации, является такой поворот изложения, при котором положительное приобретает черты отрицательного, производится авторская энантиосемия: *But Hitler had underrated not merely the size of Russia, but the awesome resilience of its people. For every army that was shattered, another took its place. Even in defeat, many soldiers of the Red Army fought to the death with a stubborn animal courage that astonished — and alarmed — the Germans* [Hastings 2015]. / *Но Гитлер недооценил не только масштабы России, но и необыкновенную стойкость ее людей. За каждой разбитой дивизией вставала новая. Даже на грани поражения многие солдаты Красной армии сражались насмерть с упрямым мужеством животного, что поражало и тревожило немцев*.

Характерно, что даже высокие качества в устах журналиста в данном случае наделяются отрицательной коннотацией, которая незаметно вкрадывается за счет определения *a stubborn animal courage*. Может вводиться отрицательная оценочность по отношению к таким сторонам жизни той или иной страны, которые обычно признаются как положительные. Так, высокая оценка российского балета (*красота в ее чистейшем виде*) несколько меркнет, так как российские танцоры уподобляются во всем контроли-

руемым роботам — на их лицах ничего не выражающие улыбки, их движения автоматизированы, как движения метронома: *The Bolshoi dancers are over-controlled, with metronome efficiency and bland smiles ... But to watch her dance today, with the world and her life before her, is to see beauty at its truest, and truth at its most beautiful* [Jennings 2013] (оба примера заимствованы из более ранней статьи автора [Иванова, Салимова 2015] — И. С.). В глаза бросается выбор специфических атрибутивных прилагательных. Если речь идет о величайшем мастерстве танцоров балета, которое признает автор, то далее это мастерство характеризуется как чрезмерно контролируемое и излишне точное, стойкость русского народа сравнивается со звериной стойкостью. В результате все положительное приобретает зримые отрицательные очертания. Демонический образ создан: зло оппонента настолько всемогуще, что даже положительное перерастает в отрицательное. Налицо эффективное использование приема создания отрицательного контекста для реализации технологии демонизации образа оппонента.

Кроме отрицательного контекста, используется также абсурдно-иронический контекст: *No one can be wrong about everything, not even Donald Trump* [Galston 2016: A9]. / *Никто не может ошибаться всегда, даже Дональд Трамп*. На самом деле речь дальше идет о Хиллари Клинтон и политике США по отношению к Тихоокеанскому торговому пакту. Однако такое ироническое начало плюс использование частицы *even* превращает Дональда Трампа в смехотворную личность с демоническими способностями все делать не так. Точно такой же абсурдно-иронический контекст используется в политическом эссе Кристины ван Оттроп *Dear Mr. Putin: Here's why you should help save my beloved BlackBerry* [Ogtrop 2016: 60]. / *Дорогой мистер Путин: Вот почему Вы должны мне помочь спасти мой любимый „блэкберри“*. Комический эффект создается за счет абсурдного контекста: автор обращается к мистеру Путину, поскольку только он может спасти ее телефон фирмы «Блэкберри», ведь только русские хакеры и их президент способны совершить невозможное. Эссе начинается такими словами: *Perhaps it's too much to ask, but I'm hoping that somehow, some way, the Russians can save my BlackBerry*. / *Возможно, я прошу слишком много, но я надеюсь, что каким-то образом, как-то русские спасут мой „блэкберри“*. Далее автор поясняет: *I love my BlackBerry the way Vladimir Putin no doubt loves his role in this nutty U.S. election* [Ogtrop 2016: 60]. / *Я люб-*

лю свой „блэкберри“ точно так же, как, наверняка, Владимир Путин любит ту роль, которую он играет в сумасшедших выборах в США. Для чего вводится упоминание российского президента? Только «для красного словца», а точнее для того, чтобы еще раз упомянуть дьявольские способности политического оппонента.

Ярчайшим примером детонирующего эффекта [Иванова 2012: 31—37], или синергии всех средств, благодаря которым создается отрицательно окрашенный контекст, смешивающий положительное и отрицательное, нарушающий все границы между добром и злом, является следующий отрывок из журнала *Forbes* за ноябрь 2015 г.: *Russia's president continues to prove he's one of the few men in the world powerful enough to do what he wants — and get away with it. International sanctions set in place after he seized Crimea and waged war-by-proxy in the Ukraine have kneecapped the Ruble and driven Russia into deepening recession, but haven't hurt Putin one bit: In June his approval ratings reached an all-time high of 89 %. In October, he bombed ISIS forces in Syria and then met face-to-face with President Assad, making the U.S. and NATO look weak in the region, and helping rebuild Russian influence abroad.* / Президент РФ продолжает доказывать свою влияние в мире, подтверждая, что он один из тех немногих в мире людей, кто может получить что хочет и остаться безнаказанным. Международные санкции, наложенные в результате его захвата Крыма и развязанная война на Украине уронили рубль ниже плинтуса и привели Россию к углубляющейся депрессии, но не затронули Путина ни на йоту: в июне его рейтинги достигли рекордных 89 %. В октябре он бомбил силы ИГИЛ в Сирии и затем встретился лично с президентом Асадом, ослабляя позиции США и НАТО в регионе и способствуя восстановлению влияния России за рубежом (ИГИЛ — запрещенная в России организация. — Ред.). Парадоксальность данного текста не может не заставить читать его вновь и вновь: контекст избилует лексикой с отрицательной оценочностью (*wage a war, kneecapped, war-by-proxy, weak, get away with*) наряду с лексическими единицами, служащими обозначению отрицательных явлений действительности, которые связываются с субъектом текста (*war, seize*). Кроме того, общий тон статьи явно критический: авторы недвусмысленно выражают неодобрение действиями президента Путина. Таким образом, остро критический контекст иррадирует отрицательную оценочность на лексическую

единицу *powerful*, которая в данном контексте начинает порождать отрицательный смысл и знаменует злобное могущество. В результате президент Российской Федерации предстает демонической личностью, наделенной неведомыми демоническими способностями обращать зло себе во благо.

Большим потенциалом для актуализации технологии демонизации обладает модальность эвиденциальности, интерпретируемая как указание на источник информации, которую сообщает говорящий, а также как маркирование оценки, которую говорящий дает сообщаемому [Жеребило; Постева, Кудряшов 2014]. Данный прием, к примеру, предполагает использование слов *так называемый / alleged, what they call, the so-called*. Так, в статье *Washington Post* от 9 ноября 2015 г. о политике президента Обамы освещаются моменты, связанные с Ираном и снятием санкций с Ирана в связи с согласованием вопросов, касающихся иранской ядерной программы. При этом употребляется именно данная конструкция, которая служит отстранению оппонента и немедленному его переводению в стан чужих: *Having allowed reformist president Hassan Rouhani to negotiate the nuclear deal with Obama, Ayatollah Ali Khamenei and the Revolutionary Guard intend to pocket the \$100 billion or so in proceeds while forcibly preventing what they call the “penetration” of Western influence that Obama hopes for* [Kerry talks 2016: 36]. / Позволив президенту-реформатору Хасану Рухани вести переговоры по ядерной сделке с Обамой, аятолла Али Хаменеи и Революционная гвардия намерены прикарманить примерно 100 миллиардов долларов выручки, одновременно всеми силами предотвращая то, что они называют „проникновением“ западного влияния, на которое надеется Обама. Сродни данным лексическим единицам использование кавычек (подобная практика описана в книге [Чудинов 2003: 16]) для этих же целей: *Meanwhile, the Assad regime has opened “humanitarian corridors”* [Kerry talks 2016: 36]. / А между тем режим Асада открыл „гуманитарные коридоры“.

К модальности эвиденциальности приемыкает использование других модальных планов, например, модальности возможности. В этом отношении нельзя не обратить внимания на размышления и результаты исследования социального психолога Джеймса Пенбейкера, который останавливается на модальных, или, как он их называет, глаголах несоответствия (*discrepancy verbs*). Эти глаголы позволяют говорить о том, что могло бы быть или должно бы быть. Благодаря им в сознание адресата привно-

сится мысль о том, что существует некое несоответствие между миром действительности и миром возможности и т. п.: *Discrepancy verbs are used when people suggest some kind of subtle discrepancy between how the world is and how it could, should, or ought to be* [Pennebaker 2011: 165]. Дж. Пенбейкер добавляет, что такими словами изобилует текст, который нацелен на то, чтобы дезориентировать слушающего, при этом в тексте отсутствует открытая ложь. Кроме того, подобного рода лексика позволяет говорящему дистанцироваться от того, о чем он говорит [Pennebaker 2011: 166]. Написанный с использованием глаголов несоответствия, передающих модальность возможности, текст в определенный момент читается как описание реальности. Так написана вся колонка Бруса Шнейера (Bruce Schneier) *Putin's next cyberattack on democracy / Еще одна кибератака Путина на демократию* [Schneier 2016: 14]. Колонка начинается со слов *Warning: Russia is trying to influence our presidential elections, said security expert Bruce Schneier / Предупреждение: Россия пытается повлиять на наши президентские выборы, сказал эксперт по безопасности Брус Шнейер*. Далее описывается то, что российские хакеры имеют доступ к электронным письмам Демократического национального комитета. Автор переходит к интерпретации событий: *Clearly, Putin intends to disrupt "the very core of our democratic process" — "and our election systems and our voting machines could be vulnerable to a similar attack". / Ясно, что Путин хочет подорвать самую сердцевину нашего демократического процесса, а наши системы обеспечения выборов и машины для голосования уязвимы для подобной атаки*. Затем автор разворачивает ужасающую картинку будущего, и всё это выполнено в рамках модальности возможности: *To sow chaos before or on Election Day, hackers could also delete electronic voter records and paralyze polling places. "October surprises" of leaked emails or personal information may also be coming. / Чтобы посеять хаос перед днем голосования, хакеры могли бы удалить электронные списки и парализовать работу избирательных участков. Вполне возможны „октябрьские сюрпризы“, то есть утечка электронных писем и личной информации*. И наконец, статья завершается угрожающим пассажем: *We also have to make it clear to Putin that "we will not tolerate this kind of interference". The integrity of our presidential election may depend on it. / Мы должны дать знать Путину, что мы не потерпим такого рода вмешательства. От этого зави-*

сит целостность наших президентских выборов. Таким образом, демонические возможности России и ее президента полностью обрисованы. Между тем модальность возможности остается за кадром восприятия. Ужасающая картинка, выполненная посредством ресурсов модальности возможности, воспринимается как реальность.

Соответственно, демонизация выступает как технология и отрабатывается как технология: появляющиеся новые образцы языкового «летального оружия» проходят испытания, при необходимости дорабатываются до нужной кондиции и принимаются на вооружение или, при обнаружении дефектов или неэффективности, отбрасываются. Обращает на себя внимание, что эффект демонизации создается как самыми простыми средствами, к которым принадлежат номинативные единицы, содержащие общую отрицательную оценку в денотате, так и коннотативами. Наряду с этими средствами, участники информационной войны широко используют транслитерированные культуроспецифические лексические единицы из языка оппонента, задействованные для того, чтобы подчеркнуть изначальную отрицательную природу оппонирующей стороны; атрибутивные элементы с отрицательной оценочностью, которые меняют знак оценки следующей за ней лексической единицы; сравнительные конструкции, когда в качестве предмета сравнения выступает общепринятый носитель зла. Востребованными оказываются потенциал модальности: эвиденциальность, позволяющая автору текста отстраниться от того, кого он описывает, и прочертить хорошо ощутимую границу между своими и чужими, а также возможность, которая позволяет смешать действительное и воображаемое. Таким образом, в рамках данной технологии используются семантические, лексические, морфологические и синтаксические ресурсы языковой системы, которые могут как работать самостоятельно, так и конвергировать в сочетании с другими, создавая мощный детонирующий эффект, служащий многократному усилению сообщения, призванному актуализировать эффект демонизации противника.

ИСТОЧНИКИ

1. Bolton J. Obama just fell for a classic Russian ruse. URL: <http://nypost.com/2015/10/26/obama-just-fell-for-a-classic-russian-ruse/>.
2. Forbes. 1.11.2015. URL: www.forbes.com/profile/vladimir-putin.
3. Galston W. A. Read Hillary's Lips: No Pacific Trade Deal // The WSJ. 2016. Aug. 17. P. A9.
4. Guttenplan D. D. Un-American Activities // The Nation. 2016. Vol. 303, № 7&8, Aug. 15/22. P. 4, 8.
5. Hastings M. A Blood Debt to Russia and a Moral Dilemma to Britain // Daily Mail. 06.05.2015. URL: <http://www.dailymail>.

co.uk/news/article-3071118/A-blood-debt-Russia-moral-dilemma-Britain-Despite-fact-27-million-Russians-died-defeating-Hitler-Government-snobbing-Moscow-s-VE-Day-parade-Sadly-Putin-left-no-choice.html.

6. Jennings L. Bolshoi Bailey: Jewels; Swan Lake — Review // Guardian. 2012. 18.08. URL: <https://www.theguardian.com/stage/2013/aug/18/bolshoi-jewels-olga-smirnova-review>.

7. Kerry talks while Aleppo burns // Economist. 2016. Aug. 6. P. 36.

8. Key P. Obama: Iranian Hardliners Chanting 'Death to America' Have Common Cause with GOP. URL: <http://www.breitbart.com/video/2015/08/05/obama-iranian-hardliners-chanting-death-to-america-have-common-cause-with-gop/>.

9. New York Post // National Review. 2016. Aug. 15. P. 24—27.

10. Noonan P. How Elites Forsake Their Countrymen // WSJ. 2016. Aug. 13—14. P. A13.

11. Ogtrop van K. Dear Mr. Putin: Here's why you should help save my beloved BlackBerry // Time. 2017. Aug. 22. P. 60.

12. Rogers M. Yulia Efomova blasts Lilly King for turning Olympics into 'a war' with doping criticism. URL: <http://www.usatoday.com/story/sports/olympics/rio-2016/2016/08/13/lilly-king-yulia-efimova-doping-trash-talk-womens-swimming/88701000/>.

13. Roxburgh A. No one knows what Putin's up to, but sanctions are the west's biggest mistake // The Guardian. 2014. 29.08. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-westbiggest-mistake>.

14. Schneier B. Putin's next cyberattack on democracy // The Week. 2016. Aug. 12. P. 14.

15. The Week // National Review. 2016. Aug. 15. P. 6—14.

16. Triesman D. The Reurn. Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev. — New York ; London ; Toronto ; Sydney : Free Press, 2011.

17. Trump in the Dumps // Economist. 2016. Aug. 6. P. 19—20.

ЛИТЕРАТУРА

18. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2014.

19. Жеребило Т. Эвиденциальность // Словарь лингвистических терминов Т. Жеребило. URL: <http://slovariya.ru/tus/sltzh/evidentsialnost>.

20. Иванова С. В. Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов (на материале политического дискурса США) // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 2 (36). С. 31—37.

21. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 24. С. 29—33.

22. Иванова С. В. Технология субъективизации в новостном массмедийном политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика : тезисы междунар. науч. конф. / гл. ред.: А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2011. С. 111—113.

23. Иванова С. В., Салимова Р. М. Стереотипизация и демонизация образа России на страницах британских газет // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20, № 3. С. 1032—1038.

24. Иванова С. В., Сподарец О. О. Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 71—75.

25. Постева Е. В., Кудряшов И. А. Текст репортажа: эвиденциальность и интродуктивные предикаты // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. материалов конф. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw4/postevaya_kudryashov.html.

26. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. — М. : Рефл-бук ; Киев: Ваклер, 2000. URL: http://www.ligis.ru/librari_2/049/contents.html.

27. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004.

28. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. — М. : Локид-Пресс, 2003. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2189/.

29. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—50.

30. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

31. American Heritage @ Dictionary of the English Language, Fifth Edition / ©2011 Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

32. Pennebaker J. W. The Secret Life of Pronouns. What Our Words Say about Us. — New York ; Berlin ; London ; Sydney : Bloomsbury Press, 2011.

33. Random House. Kemerman Webster's Dictionary / ©2010 K Dictionaries Ltd.

34. Sapir E. Language. An Introduction to the Study of Speech. — San Diego ; New York ; London : A Harvest Book, Harcourt Brace and Company, 1949.

S. V. Ivanova
Saint Petersburg, Russia

LINGUISTIC RESOURCES EMPLOYED IN AN INFORMATION WARFARE : DEMONIZATION EFFECT TECHNIQUES

ABSTRACT. *The article reveals the peculiar way linguistic means function when they are employed to realize the demonization of the opponent technology which is widely used in the framework of psychological information warfare. The linguistic means realizing this technology belong to the surface level of text formation. This can be explained if the nature of the technology under study is taken into account as the addresser aims at hitting the target and reaching the communicative goal, i.e. complete demoralization of the opponent due to their discredit and presenting as evil personified. Thus, demonizing the opponent politicians make use of negatively-oriented lexis of general evaluation. Alongside more subtle discredit techniques are also employed. The deep level presupposes the involvement of language means belonging to various layers of the language system as well as their convergence. Among the means aimed at demonizing the opponent there are direct and indirect lexical means, negatively-oriented vocabulary units of general evaluation, nicknames, names, lexical units borrowed from other linguocultures. Besides, syntactic constructions can also be used: metaphorical as well as comparative ones. The textual level of demonization technology makes it possible to use the potential of negative context. To achieve the communicative goal, the addressers often use language units of a number of levels which enhance the demonization effect they seek at the expense of discussion stimulation.*

KEYWORDS: *demonization; mass media political discourse; political communication; information war; psychological information war; technology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin.*

REFERENCES

1. Bolton J. Obama just fell for a classic Russian ruse. URL: <http://nypost.com/2015/10/26/obama-just-fell-for-a-classic-russian-ruse/>.

2. Forbes. 1.11.2015. URL: www.forbes.com/profile/vladimir-putin.

3. Galston W. A. Read Hillary's Lips: No Pacific Trade Deal // The WSJ. 2016. Aug. 17. P. A9.

4. Guttenplan D. D. Un-American Activities // The Nation. 2016. Vol. 303, № 7&8, Aug. 15/22. P. 4, 8.

5. Hastings M. A Blood Debt to Russia and a Moral Dilemma to Britain // Daily Mail. 06.05.2015. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3071118/A-blood-debt-Russia->

moral-dilemma-Britain-Despite-fact-27-million-Russians-died-defeating-Hitler-Government-snubbing-Moscow-s-VE-Day-parade-Sadly-Putin-left-no-choice.html.

6. Jennings L. Bolshoi Ballet: Jewels; Swan Lake — Review // Guardian. 2012. 18.08. URL: <https://www.theguardian.com/stage/2012/aug/18/bolshoi-jewels-olga-smirnova-review>.

7. Kerry talks while Aleppo burns // Economist. 2016. Aug. 6. P. 36.

8. Key P. Obama: Iranian Hardliners Chanting 'Death to America' Have Common Cause with GOP. URL: <http://www.breitbart.com/video/2015/08/05/obama-iranian-hardliners-chanting-death-to-america-have-common-cause-with-gop/>.

9. New York Post // National Review. 2016. Aug. 15. P. 24—27.

10. Noonan P. How Elites Forsake Their Countrymen // WSJ. 2016. Aug. 13—14. P. A13.

11. Ogtrop van K. Dear Mr. Putin: Here's why you should help save my beloved BlackBerry // Time. 2017. Aug. 22. P. 60.

12. Rogers M. Yulia Efimova blasts Lilly King for turning Olympics into 'a war' with doping criticism. URL: <http://www.usatoday.com/story/sports/olympics/rio-2016/2016/08/13/lilly-king-yulia-efimova-doping-trash-talk-womens-swimming/88701000/>.

13. Roxburgh A. No one knows what Putin's up to, but sanctions are the west's biggest mistake // The Guardian. 2014. 29.08. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-westbiggest-mistake>.

14. Schneier B. Putin's next cyberattack on democracy // The Week. 2016. Aug. 12. P. 14.

15. The Week // National Review. 2016. Aug. 15. P. 6—14.

16. Triesman D. The Reun. Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev. — New York ; London ; Toronto ; Sydney : Free Press, 2011.

17. Trump in the Dumps // Economist. 2016. Aug. 6. P. 19—20.

18. Zykhova I. V. Rol' kontseptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov : dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2014.

19. Zhrebilo T. Evidentsial'nost' // Slovar' lingvisticheskikh terminov T. Zhrebilo. URL: <http://slovariya.ru/rus/sltzh/evidentsialnost>.

20. Ivanova S. V. Politicheskii diskurs i kul'turnoe kodirovanie: detonirovanie kul'turnykh kodov (na materiale politicheskogo diskursa SShA) // Politicheskaya lingvistika. 2011. Vyp. 2 (36). S. 31—37.

21. Ivanova S. V. Politicheskii media-diskurs v fokuse lingvokul'turologii // Politicheskaya lingvistika. 2008. Vyp. 24. S. 29—33.

22. Ivanova S. V. Tekhnologiya sub'ektivizatsii v novostnom massmediynom politicheskom diskurse // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : tezisy mezhdunar. nauch. konf. / gl. red.: A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2011. S. 111—113.

23. Ivanova S. V., Salimova R. M. Stereotipizatsiya i demonizatsiya obraza Rossii na stranitsakh britanskikh gazet // Vestn. Bashkir. un-ta. 2015. T. 20, № 3. S. 1032—1038.

24. Ivanova S. V., Spodarets O. O. Realizatsiya strategii sub'ektivizatsii v strukture novostnogo politicheskogo diskursa SMI // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 3. S. 71—75.

25. Postevaya E. V., Kudryashov I. A. Tekst reportazha: evidentsial'nost' i introduktivnye predikaty // Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya : sb. materialov konf. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw4/postevaya_kudryashov.html.

26. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. Osnovy voenno-kommunikativnykh issledovaniy. — M. : Refl-buk ; Kiev: Vakler, 2000. URL: http://www.ligis.ru/librari_2/049/contents.html.

27. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004.

28. Serov V. Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy. — M. : Lokid-Press, 2003. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2189/.

29. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—50.

30. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003.

31. American Heritage @ Dictionary of the English Language, Fifth Edition / ©2011 Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

32. Pennebaker J. W. The Secret Life of Pronouns. What Our Words Say about Us. — New York ; Berlin ; London ; Sydney : Bloomsbury Press, 2011.

33. Random House. Kemerman Webster's Dictionary / ©2010 K Dictionaries Ltd.

34. Sapir E. Language. An Introduction to the Study of Speech. — San Diego ; New York ; London : A Harvest Book, Harcourt Brace and Company, 1949.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.